

Индустриальная модернизация в контексте социальной истории

© 2012 г. Е. Г. НЕКЛЮДОВ*

НЕСОСТОЯВШАЯСЯ РЕФОРМА: ОСВОБОЖДЕНИЕ УРАЛЬСКИХ ЗАВОДОВ ОТ ПОСЕССИОННОГО ПРАВА

Одной из особенностей горнозаводской промышленности Российской империи было ее функционирование в трех «правовых формах» – казенной, посессионной и вотчинной (владельческой), которые различались по степени участия государства в организации заводского хозяйства и зависящему от этого уровню правовой регламентации промышленной деятельности. Сформировавшись к началу XIX в., эти формы владения и соответствующие им секторы промышленности были представлены на всем обширном и мозаичном «экономическом пространстве» России, сосредоточиваясь преимущественно в старейшем металлургическом регионе страны – на Урале. Здесь в концентрированном виде обозначились и обострившиеся во второй половине XIX – начале XX в. проблемы их развития.

Если владельческий и казенный секторы были характерны не только для России, то формирование посессионной промышленности отражало специфику экономической жизни страны¹. Отношения владельцев посессионных предприятий с государством регулировались особым посессионным правом, которое до сих пор остается малоизученным историческим явлением². Его появление было отдаленным следствием исторически сложившихся обстоятельств развития горнозаводской промышленности на начальном этапе ее становления в XVIII в., когда в условиях горной свободы и горной и лесной регалий государство активно помогало предпринимателям разного социального происхождения в организации столь важной для страны отрасли экономики. Предоставляя нуждающимся заводчикам пособия в виде отвода земель, лесов, руд и приписки государственных крестьян, государство «положило основание тому особому виду частного владения, из которого возникло и развилось посессионное право с его условиями и обязанностями»³.

Как система норм и правил оно формируется на рубеже XVIII–XIX вв., когда государство, осознав свою роль в становлении горнозаводских округов как совокупности заводов и ресурсов, провело регламентацию прав заводчиков и казны на эти имения. Поводом к тому стали отмена горной свободы и регалий в 1782 г. и введение принципа акцессии, не только связавшего земельную собственность с правом на недра, но и повлекшего осознание властью казенной собственности как равноценной частной. Первым шагом стало разделение в 1794 г. заводов по признаку пользования казенными пособиями на посессионные и владельческие и установление налоговых различий между ними (посессионеры платили в полтора раза больше, чем вотчинники). Вторым – введение так называемых «посессионных ограничений» в распоряжении и пользовании заводчиками казенными пособиями, связанное с общей реформой горного управления в России и изданием Проекта Горного положения в 1806 г. В 1820 г. был узаконен принцип нераздельности посессий и заводов, предполагавший также услов-

* Неклюдов Евгений Георгиевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения РАН.

Исследование выполнено при поддержке РФНФ, проект № 10-01-83101 а/У.

ность пользования посессиями, предоставлявшимися лишь до тех пор, пока действуют заводы. Третьим шагом стало определение полного перечня казенных пособий в 1811 г. (в землях, лесах, рудах, казенных людях и праве недворян владеть крепостными, которое впервые было предоставлено им в 1721 г.) и сохранение, несмотря на попытки «уравнения податей», их «оптовой системы». В соответствии с ней, заводчик считался посессионером, если пользовался хотя бы одним из пяти типов пособий. В законченном виде посессионное право нашло выражение в Горном уставе 1832 г., который собрал все его элементы в единую систему. В результате, в России была создана беспрецедентная ситуация, когда на одном «экономическом пространстве» параллельно действовали и развивались две модели частной промышленности, различавшиеся степенью правоспособности владельцев в распоряжении заводами и ресурсами: владельческие округа существовали в условиях относительно свободного хозяйствования, тогда как посессионные округа были ограничены условиями «казенной опеки»⁴.

Введение этого ограничительного права не вызвало открытого протеста со стороны заводчиков, поскольку на первых порах законодательно установленная разница в формах посессионного и вотчинного владения не отчетливо проявлялась в заводской практике и не особо ощущалась заводчиками. К тому же за ними официально закреплялась возможность монопольного пользования еще далеко не исчерпанными казенными пособиями, что было особенно ценно для многоотраслевого и самообеспечивающегося заводского хозяйства при отсутствии в стране развитых рынков труда и природных ресурсов. Вследствие этого в период формирования посессионного права и становления основанной на нем «казенной опеки» со стороны местного горного начальства в первой половине XIX в. даже ограниченные возможности заводчиков позволяли развиваться посессионному сектору уральской горнозаводской промышленности не менее динамично, чем владельческому. К 1861 г. из подведомственных Уральскому горному правлению 42 округов 23 были посессионными. В них концентрировалось 63–65% всего металлургического производства, а общая площадь посессионных земель в Пермской, Вятской, Оренбургской, части Казанской и Вологодской губ. составляла около 4.4 млн десятин.

Постепенное укрепление системы горного управления к середине XIX в. не только повысило уровень «казенной опеки», но и увеличило число конфликтов в отношениях между заводчиками и горным начальством. Тем временем в обществе начали распространяться либеральные представления, в соответствии с которыми экономическая свобода и частное предпринимательство воспринимались теперь как основы эффективной экономики. Выражая общее мнение заводчиков, один из их представителей, Д.А. Огородзинский, утверждал тогда, что посессионное право и сопряженный с ним «специальный казенный надзор», закрепленный в Горном уставе, находятся «в прямом противоречии с твердо установившимися понятиями о процветании каждой отрасли народной промышленности при возможно большей свободе действий и при возможно меньшей регламентации со стороны государства»⁵.

Необходимость реформирования посессионного права осознавалась и либерально настроенными сановниками эпохи Великих реформ. В 1862 г. вопрос о «горнозаводской посессии» был передан на рассмотрение Комиссии по пересмотру Горного устава при Министерстве финансов. Но разработка реформы посессионного права в горнозаводской промышленности (в отличие от фабрично-заводской промышленности России, где это право было полностью отменено к 1863 г.) оказалась более трудным делом из-за сложного состава казенных пособий. Первым шагом на этом пути стало исключение 9 декабря 1863 г. «пособия в людях» и «правового пособия», утративших свое значение после отмены крепостного права. Именно их устранение вместе с ограничениями в распоряжении рабочей силой и определило эволюцию посессионного права в пореформенный период. Кроме того, из посессионных во владельческие перевели несколько

горнозаводских округов (Кыштымский, Сергинско-Уфалейский, Авзяно-Петровский и Кагинский), пользовавшихся ранее только этими пособиями^{5а}.

На следующем этапе реформы должна была решиться судьба округов, имевших посессии в землях, лесах и рудах. В отношении их Горная комиссия предпочла путь, подсказанный крестьянской реформой: раздел имущества между казной и владельцами. Он тогда казался обеим сторонам более привлекательным, чем путь разграничения полномочий по использованию «совместного имущества» на основаниях, не стеснявших предпринимательскую деятельность. Но выбор варианта раздела требовал точного определения прав казны и заводчиков на посессионные земли, а установить их оказалось крайне затруднительно. «Промышленность есть следствие полной ясности прав собственности», – со знанием дела писал побывавший на Урале в 1899 г. Д.И. Менделеев⁶. Посессионное право такой ясности как раз и не предполагало.

Уральские посессионеры, среди которых наиболее активными были крупнейшие заводчики Яковлевы и Демидовы, пытались через прессу повлиять на мнение членов комиссии. Доказывая свое право «ограниченной собственности» на посессионные земли, они добивались безвозмездной передачи им земель и лесов. Однако достичь этого не удалось, поскольку правительство не решалось так же легко отдать заводчикам огромные территории и природные богатства посессионных округов, как оно передало фабрикантам небольшие по размерам земельные участки⁷.

Компромисс был достигнут путем согласия заводчиков на предложенный Горной комиссией выкуп недостающих им до полной собственности прав казны на посессионные земли, предполагавший сравнительно небольшой размер выкупной суммы. В 1866 г. был разработан проект выкупа посесий владельцами у казны посредством «капитализации добавочной подати, ежегодно причитающейся с имения». Именно эта разница в величине горной подати за чугун, медь, золото и платину между владельческими и посессионными заводами была признана тогда единственным «существенным выражением посессионного права для правительства». Выкупная сумма вычислялась по средней подати за несколько прошедших лет, капитализированной из 5%. Средняя цена «выкупной десятины» по такому расчету составила 1.7 руб., но она существенно колебалась по отдельным округам (от 0.34 до 6.56 руб.). Вся выкупная сумма с 17 округов, числившихся к тому времени в составе посессионных (Святочудовский завод уже был закрыт, а Богословский селитренный – исключен из горного ведомства), достигала 4.7 млн.⁸

«На окончательную редакцию» проект был внесен в межведомственную Комиссию для пересмотра системы податей и сборов, в заседаниях которой участвовали и посессионеры. Согласившись с идеей выкупа для «взаимной выгоды казны и заводчиков», они убедили Особую комиссию по посессионному вопросу во главе с герцогом Н.М. Лейхтенбергским (сформированную из состава Податной комиссии) скорректировать выкупную сумму, исключив при ее расчете добавочную подать за золото и платину и уменьшив подать за медь как «предметов слишком непостоянных отраслей горного дела». Средняя цена десятины в итоге снизилась до 1 руб., хотя все еще заметно различалась по округам (от 0.12 до 2.69 руб.). Общая выкупная сумма уменьшилась до 2.7 млн руб.⁹

В 1868 г. итоговый проект Податной комиссии был направлен для обсуждения в заинтересованные ведомства и всем заводоуправлениям посессионных округов. Хотя ими были выявлены некоторые недостатки, главной преградой для реализации планов комиссии оказались жалобы «заводских крестьян», обратившихся к министру финансов с просьбой «принять во внимание прежде допущения выкупа посесий на обеспеченность их быта». Отмена посессионного права лишала население гарантированной занятости на заводских работах, что при возможном закрытии предприятий означало бы утрату местными жителями заработка, являвшегося для них основным средством существования. В таком случае возрастала роль земельного надела, величина которого, установленная в 1861 г., как было признано, не могла полностью «обеспечить быта населения». В результате Особое совещание при Министерстве финансов под предсе-

дательством товарища министра А.К. Гирса в 1872 г. «нашло необходимым приостановиться выкупом посессий до разрешения общего вопроса о мерах к обеспечению быта приписанного к горным заводам населения»¹⁰. Таким образом, реформа «горнозаводской посессии» была поставлена в зависимость от решения не менее сложной проблемы землеустройства населения и тем самым отложена на неопределенный срок.

Когда в 1876 и 1877 гг. были составлены инструкции о землеустройстве бывших казенных крестьян, проживавших на посессионных землях, заводчики обратились к министру государственных имуществ (в ведении которого с 1874 г. находился Горный департамент) с просьбой применить их к горнозаводскому населению. П.А. Валуев «разделил убеждение» посессионеров и распорядился составить новый проект правил о выкупе посессий. В основу его должны были лечь «большее обеспечение быта горнозаводского населения посессионных заводов и бóльшая равномерность тяжести выкупа для отдельных заводских округов». Для этого была выработана новая «формула» расчета выкупной суммы: ее предлагалось определять путем капитализации добавочной подати, соответствующей тому гипотетическому размеру ежегодного производства, который «допускался количеством и родом приписанных к данному заводу от казны лесов». Основываясь на таких представлениях, в 1878 г. в Министерстве государственных имуществ при участии влиятельного члена Горного совета А.А. Штофа был подготовлен проект «Правил о выкупе посессионных горнозаводских имений в собственность их владельцев», получивший в дальнейшем название «проект Валуева – Штофа». По предварительному расчету, выкупная сумма с 14 посессионных округов (к тому времени закрылись мелкие Ольгинско-Уинские, Шильвинский и Мешинский заводы) была уменьшена до 2.5 млн руб. и более равномерно распределена между ними (средняя цена десятины устанавливалась в пределах 0.9–1.2 руб.). Впрочем, с этим проектом, в отличие от предыдущих, заводчики даже не были ознакомлены, поскольку в 1879 г. Государственный совет отложил его обсуждение до завершения землеустройства горнозаводского населения, проект которого разрабатывался в том же министерстве. Кроме того, члены Государственного совета рекомендовали дождаться последствий постройки Уральской железной дороги, которая, по замыслу создателей, должна была соединить крупнейшие зауральские заводы с приуральскими месторождениями каменного угля. Предполагалось, что это изменит древесно-угольный профиль уральской металлургии и сократит ее потребность в лесных материалах и обширных заводских дачах, которые и составляли основное имущество посессий¹¹.

Зависимость вопроса о выкупе посессий от «окончательного устройства быта заводского населения» надолго отвлечла внимание правительства и заводчиков, которые согласились увеличить земельные наделы населения до размера «фактического землепользования», сохранив за ним право пользования лесом из заводских дач («лесной сервитут»), но продолжали настаивать на единстве «наделения мастеровых» с «наделением заводов», как они воспринимали выкуп посессий. В 1887 г., когда уже определились контуры нового проекта землеустройства населения и стало понятно, что открытая в 1878 г. Уральская железная дорога не решила топливной проблемы, посессионеры вновь попытались поднять вопрос о выкупе. В Горном департаменте соглашались «не медлить возобновлением дела о выкупе», но считали необходимым «по прошествии многих лет и при новых обстоятельствах» пересмотреть прежние разработки при участии самих заводчиков, в целом одобривших «проект Валуева – Штофа», с которым их 10 лет спустя впервые ознакомили¹².

Их коллективные прошения привели к созданию в 1897 г. Особой комиссии при Горном департаменте, которая должна была в очередной раз «рассмотреть вопрос о выкупе посессионных имений в собственность их владельцев». Однако, вопреки ожиданиям, эта комиссия решительно отвергла прежнюю методику расчета выкупа, основанную исключительно на величине добавочной горной подати, которую сочли уже «недостаточно выражающей существо посессии». Мало того, в общественном мнении и взглядах либеральной бюрократии теперь стало доминировать представление о выкупе как способе решения посессионной проблемы, выгодном только заводчикам, а не

государству в целом. С конца 1890-х гг. все чаще высказывалось мнение о возможности «обратного выкупа», предполагавшего безвозмездное возвращение казне горнозаводских посессий и предоставление их на условиях аренды заводчикам, равно как и другим предпринимателям. В результате появился альтернативный министерский «проект А.А. Штофа» 1899 г., предусматривавший «разверстание посессий между казной и владельцами». В отличие от варианта выкупа, устранявшего посессионные ограничения, но сохранявшего монополию заводчиков на природные ресурсы, этот вариант устранял и их монопольные права и поэтому в теории выглядел более прогрессивным. Вполне прагматичным он мог представляться и ввиду гипотетического перехода отрасли с древесного топлива на минеральное, что соответствовало магистральному направлению развития мировой металлургии в XX в. В этом случае заводы уже не нуждались бы в огромных лесных дачах, которые можно было передать населению, что решило бы проблему его землеустройства на длительную перспективу. Поэтому проект нашел поддержку у некоторых специалистов, демократической общественности, горнозаводского населения и существенно ухудшил отношения казны и посессионеров.

Ознакомленные с проектом «разверстания посессионных имений», заводчики увидели в нем способ «экспроприации посессий» и категорически отказались его обсуждать. При отсутствии рынка древесного угля и каких-либо гарантий со стороны казенного лесного ведомства «отделение лесов от заводов», по их убеждению, неизбежно привело бы к остановке всех предприятий¹³. В этом их поддержала и Ученая комиссия Д.И. Менделеева, работавшая на Урале в 1899 г. Среди первоочередных мер по выводу уральской металлургии из застоя ученые рекомендовали поскорее сделать заводчиков-посессионеров «полными владельцами своих земель путем выкупа... через капитализацию добавочной горной подати»¹⁴.

Между тем положение существенно обострилось в условиях глубокого экономического кризиса начала XX в., особенно болезненно отразившегося на деятельности посессионных округов, число которых постепенно сокращалось. В 1880–1890-е гг. три округа (Суксунский, Юго-Кнауфский, Шурминско-Залазнинский, или Мосоловский), находившиеся в казенном управлении из-за финансовой несостоятельности владельцев, и один (Ревдинско-Рождественский), переданный ранее под управление кредиторов, были проданы с публичных торгов при условии изменения формы владения. Бемышевский завод прекратил свое существование. В результате осталось всего 9 крупных посессионных горнозаводских округов (Нижнетагильский, Верх-Исетский, Алапаевский, Невьянский, Сысертский, Шайтанский, Холуницкий, Омутнинский и Кажимский), где в 1900 г. производилось около 32.5% чугуна, выработанного на всех заводах Урала. К концу кризиса доля их продукции уменьшилась уже до 28.5%¹⁵. Посессионный сектор уральской промышленности не только сократился, но и явно проигрывал по производительности более динамично развивавшимся владельческим заводам. Сами посессионеры жаловались на то, что, в отличие от вотчинников, они затруднялись в привлечении паевых капиталов и ипотечных кредитов под залог не принадлежавших им земель и были ограничены в распоряжении сырьевыми ресурсами своих имений. Принцип «нераздробности» округов препятствовал их «разгораживанию» по отраслевому признаку и не позволял заводчикам обмениваться лесными дачами для более рационального ведения хозяйства. Даже после того, как в 1898 – 1901 гг. подать за медь, чугун, золото и платину была заменена промысловым налогом, посессионные заводы по-прежнему платили в казну «добавочную горную подать»¹⁶. Все эти «ограничения» существенно сокращали оперативные возможности посессионеров и предопределяли снижение конкурентоспособности их заводов по сравнению с владельческими.

Особенно пострадали от кризиса старейшие, Невьянские и Холуницкие, заводы, поставленные на грань финансового банкротства и закрытия. Для урегулирования ситуации Горный департамент образовал в 1905 г. специальные инстанции. На Холуницких заводах созданная им комиссия впервые попыталась разработать методику вычисления выкупной суммы, учитывавшую потерю казной не только горной подати, но и права собственности на посессионные леса и земли. Однако предложенный ею вариант

настолько повысил цену предприятий, что продать их с публичных торгов оказалось невозможно. Казне пришлось самой выкупить уже прекратившие работу заводы, тем самым выведя их из состава посессионных¹⁷. Особое совещание по Невьянским заводам возникло по инициативе владельцев, ходатайствовавших о выкупе небольшой лесной дачи округа на основании «проекта Валуева – Штофа». Но поскольку этот проект считался уже устаревшим и не отвечающим интересам казны, Совещание сочло предложенную заводчиками сумму существенно заниженной и к тому же не учитывающей подати с добываемого в Невьянском округе золота. После пересчета общая сумма выкупа возросла почти в четыре раза, что не совпало с возможностями владельцев¹⁸.

Тем не менее трудности, возникшие на Холуницких и Невьянских заводах, заставили вновь обратить внимание на проблему посессионного права. В начале 1906 г. по инициативе заводладельцев приступило к работе Особое межведомственное совещание, в состав которого вошли представители Министерства торговли и промышленности и включенного в 1905 г. в его структуру Горного департамента, а также Министерства финансов, Государственного контроля, Государственного управления земледелия и землеустройства, Совета съездов горнопромышленников Урала и всех управлений посессионных округов. 37 членов Совещания под председательством А.А. Штофа, занимавшего в то время должность товарища министра торговли и промышленности, должны были выработать окончательный вариант ликвидации посессионного права. При этом участники Совещания заранее определили, что выработанный ими проект не будет для посессионеров обязательным. Из-за категоричной позиции заводчиков они не стали обсуждать предложенные чиновниками проекты «разверстания посессионных имений между казной и владельцами», сосредоточившись на рассмотрении способов выкупа посессий, намеченных еще Особой комиссией 1897 г. Совещание одобрило предложение А.А. Штофа о «расчленении» посессионной горной подати ($\frac{2}{5}$ – за руду и $\frac{3}{5}$ – за лес) для удобства расчета выкупной суммы в округах, пользовавшихся покупным топливом; было составлено несколько вариантов капитализации подати за те металлы, которые ею облагались (чугун, медь, золото и платина), а также принято решение о включении в выкупную сумму стоимости природных ресурсов, не облагаемых горной податью (строевой лес и «побочные ископаемые»). Острая полемика развернулась по вопросу о «достаточности обеспечения быта» населения посессионных округов, которая предусматривалась изданным в 1893 г. законом. Учитывая общественные настроения и растущие требования населения, некоторые участники Совещания настаивали на расширении наделов и включении в них леса в расчете не на ревизские, а на «наличные души». Для согласования мнений и сбора статистических данных о ходе землеустройства из состава Особого совещания была сформирована комиссия во главе с членом Горного совета А.А. Сорокиным. Летом 1906 г. она выезжала на Урал, а после возвращения занялась систематизацией данных и подготовкой общих предложений для Особого совещания¹⁹.

Работа находилась уже на завершающем этапе, когда во время своей поездки на Урал с посессионной проблемой выразил желание ознакомиться министр торговли и промышленности Д.А. Философов. Его интерес, по-видимому, был вызван далеко не однозначной общественной реакцией на подготовку проекта выкупа посессий, запросами в Государственной думе и прошениями, направленными в Совет министров сельскими обществами нескольких посессионных округов. В них, в частности, выражалось опасение, что власти келейно разрешат заводчикам выкупить леса и земли до завершения землеустройства местных жителей и в ущерб «общественным интересам»²⁰. Понимая, что при таких настроениях провести проект через Думу будет сложно, посессионеры изменили свою тактику. На совещании с министром, состоявшемся в сентябре 1907 г. в Нижнем Тагиле, представители заводууправлений стали добиваться не полной ликвидации посессионного права, а освобождения от таких посессионных ограничений, которые могли быть сняты «в порядке административного распоряжения или в порядке верховного управления» (в том числе запрета на продажу металлических руд, «побочных ископаемых» и строевого леса)²¹. Однако через два месяца после этого

совещания Д.А. Философов скончался, так и не успев надлежащим образом оформить это решение.

При министрах И.П. Шилове и В.И. Тимирязеве посессионный вопрос курировал их товарищ Д.П. Коновалов. Явно опасаясь обвинений в адрес министерства, «идущего на поводу у посессионеров», он отказался от пошаговой отмены посессионных ограничений и предпочел вернуться к составлению общего проекта, который затем подлежал бы обсуждению в законодательных органах. После нескольких просьб посессионеров им было предложено «представить конкретные пожелания... о способе ликвидации посессионного права». Составленные и поданные в министерство в 1908 г. «Главные основания проекта перечисления посессионных горнозаводских округов» базировались на договоренностях, которых удалось достичь в ходе работы Особого межведомственного совещания 1906–1907 гг. В них заводчики стремились согласовать собственные интересы с «выгодами» казны и нуждами горнозаводского населения. Они соглашались даже с тем, от чего прежде отказывались. Так, выкупная сумма значительно повышалась вследствие включения в ее состав капитализированной подати не только за чугун, но и за медь, золото и платину. По предварительным расчетам, общая сумма выкупа с восьми оставшихся посессионных округов (их площадь не превышала уже 1.3 млн десятин) могла достигнуть 3.4–3.6 млн руб., а средняя цена десятины возрастала до 2.8 руб. Отдельно выкупались леса и «побочные ископаемые» посессионных дач; населению вместо существовавшего лесного сервитута предоставлялся дополнительный лесной надел, который рассчитывался на «наличную душу»²². Все это свидетельствовало о готовности посессионеров пойти на компромисс, однако на созванном под председательством Д.П. Коновалова совещании им был вновь предложен проект «отделения лесов от заводов»²³.

Позиция властей была следствием неопределенности судьбы уральской горнозаводской промышленности. У части чиновников сформировалось представление о ее бесперспективности, особенно на фоне динамического развития южнороссийской коксовой металлургии. В таком ракурсе значение посессионных земель сводилось лишь к обеспечению освобождаемого от заводских работ населения, что было сопряжено с развернувшейся в то время в России масштабной аграрной реформой. У другой части бюрократии еще сохранялась надежда на будущее уральской древесноугольной металлургии, подпитываемая идеями крупных ученых и практическими действиями заводчиков, осуществлявших масштабную реконструкцию заводов. В целом сложившаяся ситуация не позволяла власти согласиться ни на безвозвратную передачу огромных земельных богатств в собственность частных лиц (при выкупе посессий), ни на вполне прогнозируемый упадок важнейшей отрасли экономики огромного региона (при развертывании посессий), а потому чиновники скорее предпочитали выжидать, нежели проводить поспешную реформу в столь неоднозначное время.

С началом Первой мировой войны подготовка преобразования окончательно отступила на дальний план. Единственным результатом настойчивых действий заводчиков стала возможность получения «частных разрешений» на залог посессионных округов в ипотечных банках и продажу природных ресурсов, чем и ограничилась эволюция посессионного права в начале XX в., дойдя, возможно, до своего предела.

В результате правовой институт, который официально был признан устаревшим еще в середине XIX в. и, по мнению современников, существенно тормозил развитие многих крупных горнозаводских хозяйств Урала, выдержав испытание десятка специальных правительственных комиссий и совещаний, подготовивших четыре проекта его ликвидации, сохранился до конца имперского периода. Еще в 1876 г. Д.А. Огородзинский писал: «Почти четверть века тому назад в первый раз высказана была правительством мысль о том, что посессионное право должно подлежать отмене. В продолжение этого времени правительство не затруднилось привести в исполнение громадные экономические реформы, обновившие весь строй народного хозяйства и имевшие общегосударственное значение, а вместе с тем всесторонне обсужденный, самым тщательным образом выработанный проект о выкупе посессий остается без движения»²⁴. Эти слова

можно было бы с полным правом произнести спустя еще 40 лет, присовокупив, что такая же участь постигла и проект разверстания посессий.

В неудаче попыток его реформирования посессионеры и государственные чиновники обвиняли друг друга, что от части не было лишено основания. Но, судя по всему, основным «виновником» незавершенности реформы оказалось само посессионное право как исторический феномен. Его специфика заключалась не только в отсутствии аналогичных норм в законодательстве европейских стран, сложности состава регулируемых им сфер предпринимательской деятельности и неопределенности статуса субъектов права. В нем настолько прочно переплелись существенные (а для некоторых участников и жизненно важные) имущественные интересы казны, заводчиков и горнозаводского населения, что оказалось крайне трудно разделить их на практике. На это указывал и главный деятель реформы горнозаводской посессии, автор двух ее альтернативных проектов А.А. Штоф. «Еще с 60-х гг. прошлого столетия, – писал он в материалах ко всеподданнейшему докладу 1906 г., – вопрос о посессионном праве рассматривался в разных правительственных совещаниях и комиссиях, не пришедших, однако, к положительно определенным выводам о способах прекращения посессий, главным образом вследствие крайней сложности сего вопроса, затрагивающего интересы как заводчиков, так и казны и, сверх того, местного населения, экономическое благосостояние которого тесно связано не только с существованием заводов, но и с теми или иными условиями их деятельности»²⁵.

В XVIII в. посессии как пособия от казны стимулировали быстрое развитие частной горнозаводской промышленности, столь необходимое в эпоху ранней модернизации России. В первой половине XIX в. пользование разнообразными посессиями было оформлено государством в особое посессионное право, которое в то же время существенно ограничило свободу предпринимательской деятельности. Во второй половине XIX – начале XX в. оно стало одним из факторов, затруднявших развитие горнозаводской промышленности, вследствие чего было признано необходимым устранить эти ограничения вместе с самим посессионным правом. Но «конфликт интересов» основных участников посессионных отношений осложнил и затянул этот процесс, несмотря на общее желание казны, заводчиков и горнозаводского населения освободиться от них. Усугубляли процесс и придавали ему еще большую противоречивость менявшаяся политическая ситуация в стране и экономическая конъюнктура на Урале. Результатом действия совокупности причин и факторов стало сохранение этого архаичного правового института, «затаившегося» на Урале до конца имперского периода. С одной стороны, это свидетельствует о вполне очевидной незавершенности реформирования институциональных основ предпринимательской деятельности в России в соответствии с принципами либерализма и рыночной экономики. С другой – говорит о сложной динамике модернизационного процесса, на которую оказывали тормозящее влияние специфические правовые институты, возникшие и укоренившиеся еще на доиндустриальной стадии. Сохранение горнозаводской посессии на Урале в начале XX в. доказывает также неравномерность хода российской модернизации, в разной степени затронувшей различные регионы и отрасли экономики страны.

Более чем двухвековая предыстория и история посессионного права в России может служить не только доказательством значимости создаваемых государством правовых условий для развития частного предпринимательства, но и примером того, как из фактора экономического развития эти условия могут превратиться в тормоз, когда перестают соответствовать его ведущим тенденциям. Как показывает опыт реформирования посессионного права в горнозаводской промышленности Урала, устранение устаревших, но глубоко укоренившихся институтов может превратиться в неразрешимую проблему, с которой бывает трудно справиться даже при взаимном желании всех заинтересованных сторон. Это, на наш взгляд, существенно повышает ответственность законодателей за результаты принимаемых ими решений и предопределяет необходимость изучения и учета имеющегося исторического опыта.

Примечания

¹ *Грамматчиков В.А.* Горное законодательство и горная администрация Англии, Бельгии, Франции, Австрии и Пруссии. СПб., 1870; *Штоф А.А.* Горное право. Сравнительное изложение горных законов, действующих в России и главнейших горнопромышленных государствах Западной Европы. СПб., 1896; *Струкгов В.Г.* Курс горного права: Изложение основных начал горного законодательства России в связи с кратким обзором принципов горных законодательств важнейших горнопромышленных государств Западной Европы. СПб., 1907.

² Наиболее значимыми, хотя и в значительной степени тенденциозными, остаются исследования правоведа В.А. Удинцева, созданные на рубеже XIX–XX вв. (См., например: *Удинцев В.А.* Посессионное право. Киев, 1896; *он же.* Русское горноземельное право. Киев, 1909). Законы и законопроекты о негорнозаводских посессиях анализируются в книге Ю.А. Рыбакова «Промышленное законодательство России первой половины XIX в. (Источниковедческие очерки)» (М., 1986). В обобщающей «Истории предпринимательства в России» (Кн. 1–2. М., 1999) лишь упоминается о существовании посессионных предприятий, но не дается характеристика правовых условий их деятельности. Сведения о посессионном праве вообще отсутствуют в новейшей энциклопедии «Экономическая история России с древнейших времен до 1917 г.» (М., 2008. В 2 т.).

³ Труды Комиссии, Высочайше учрежденной для пересмотра системы податей и сборов. СПб., 1868. Т. XIII. О горном промысле. Ч. IV. Проект Горного устава, составленный Общим собранием Комиссии. Объяснительная записка к проекту Горного устава. С. 117.

⁴ *Неклюдов Е.Г.* Посессионное право в истории уральской горнозаводской промышленности XIX – начала XX в. Екатеринбург, 2011.

⁵ Государственный архив Свердловской области (далее – ГА СО), ф. 72, оп. 1, д. 3958, л. 132–140.

^{5а} ПСЗ-II. Т. 38. Отд. 2. СПб., 1866. № 40358; ГА СО, ф. 24, оп. 23, д. 6097. л. 11–20, 30–41, 98–104, 166–171, 228–236.

⁶ Уральская железная промышленность в 1899 г. СПб., 1900. Ч. 3. Гл. 3. С. 100.

⁷ Труды Комиссии, Высочайше учрежденной для пересмотра системы податей и сборов. Т. XIII. Ч. IV. С. 191–192.

⁸ ГА СО, ф. 72, оп. 1, д. 3958, л. 222–223.

⁹ Там же, л. 132–140, 188–223; ф. 24, оп. 2, д. 1228, л. 1.

¹⁰ Там же, ф. 72, оп. 1, д. 3958, л. 14, 31–40, 85–130, 188–213.

¹¹ Там же, л. 132–140, 146–148, 188–213, 280–282.

¹² Там же, л. 14–20, 162–179 об., 180–187, 280–282.

¹³ Там же, л. 21–22; д. 4691, л. 24–29 об.

¹⁴ Уральская железная промышленность в 1899 г. С. 126–127.

¹⁵ РГИА, ф. 37, оп. 65, д. 1403, л. 143–146.

¹⁶ ПСЗ-III. Т. 18. Отд. 1. СПб., 1901. № 15601; Т. 21. Отд. 1. СПб., 1903. № 20572.

¹⁷ Материалы по вопросу о выкупе посессионных заводов с журналами Особого совещания, образованного в 1905 г. для рассмотрения этого вопроса. Ч. 1. СПб., 1906. С. 15–19; Ч. 2. СПб., 1907. С. 171–174.

¹⁸ Материалы по вопросу о выкупе посессионных заводов... Ч. 1. С. 1–11, 19–32; Ч. 2. С. 125–126; РГИА, ф. 37, оп. 65, д. 1518, л. 5–21 об.

¹⁹ Материалы по вопросу о выкупе посессионных заводов... Ч. 1–2; Ч. 3. Вып. 2. СПб., 1908; РГИА, ф. 37, оп. 67, д. 394, л. 3.

²⁰ Материалы по вопросу о выкупе посессионных заводов... Ч. 3. Вып. 2. С. 57–107; РГИА, ф. 37, оп. 65, д. 1403, л. 1–4, 92–97.

²¹ Материалы по вопросу о выкупе посессионных заводов... Ч. 3. Вып. 1. СПб., 1908. С. 3–10.

²² Там же. С. 11–35, 46–48; *Алеврас Н.Н.* Аграрная политика правительства на Горнозаводском Урале в начале XX в. Челябинск, 1996. С. 53–81.

²³ РГИА, ф. 37, оп. 65, д. 1403, л. 136–139; д. 1520, л. 47–53; *Друзин М.В.* III Государственная дума и проблемы уральской горнозаводской промышленности // Проблемы российской истории. Вып. 8. М.; Магнитогорск, 2007. С. 249–270.

²⁴ ГА СО, ф. 72, оп. 1, д. 3958, л. 140–145.

²⁵ РГИА, ф. 37, оп. 65, д. 1366, л. 5–6 об.